

«И как можно быть таким глупцом? Хозяин ещё не решил, наказывать его или нет, а он сам, невзирая на раны на спине, поспешил простоять на коленях всю ночь. Нравится ему мучиться, что ли? Знает ли он, сколько серебра я трачу на обучение одного теневого стража?»

«Маленькое разорение».

— Эх, ладно, ладно. Ты верно служишь мне много лет и пользуешься моим доверием. Я не из тех, кто забывает старые привязанности, так что на сей раз прощаю тебя. Но... больше не допускай подобной дерзости.

— ... — Пальцы Янь У, упиравшиеся в пол, подогнулись, сердце пронзила острая боль.

«Дерзость? Если то, что было раньше, тоже считать дерзостью, то его должны были казнить уже бесчисленное количество раз».

— Вставай, хватит стоять на коленях. — В юности совершать опрометчивые поступки — дело обычное, к тому же проступок был не из тех, что нельзя простить.

Тем более, перед ним был красавец с прекрасным телом; даже если бы они провели вместе бурную ночь, он бы не остался в убытке. Но что поделать, если Янь У — его доверенное лицо, и между ними стоит незримая преграда их положений.

Если между ними возникнет двусмысленная связь, в будущем чувства неизбежно возобладает над делом. А потому, дабы избежать лишних хлопот, лучше задушить эти неподобающие помыслы маленького стража в зародыше.

Иначе при его, Янь Ляна, влюбчивом нраве рано или поздно в мире станет одним несчастным больше. И что тогда — если Янь У из-за разбитого сердца не сможет выполнять обязанности, наказывать его или нет?

Накажешь — прослывешь бессердечным, не накажешь — сам себя выставишь лжецом. Ведь только что он так твердо вещал, что в поместье награда есть награда, а кара есть кара, и исключений не бывает. Да и неужели его мужское обаяние... действительно столь велико? Надо же, в возрасте, когда красота начинает увядать, он умудрился заполучить сердце юноши.

— Благодарю господина.

Первым делом Янь У подошёл к вешалке, снял плащ и совершенно естественно набросил его на плечи Янь Ляна. Его взгляд замер на нежно-розовом кончике уха господина, и он не мог заставить себя отвернуться.

Отсюда его хозяин казался прекрасным, словно фарфоровая кукла. Его следовало беречь, нежно баюкая на ладонях, и изгнать все болезни и страдания из его хрупкого тела.

— Вы простудились ночью, болезнь ещё не отступила, не позволяйте ей усилиться.

Стоило Янь У коснуться его плеча, как Янь Лян весь одеревенел. «...Похоже, я зря перед ним распинался».

— Вот как? А служанка сказала мне, что эта хворь от испуга, и виновник в знак раскаяния простоял всю ночь на коленях во внешней комнате. — Янь Лян плотнее запахнул плащ и лениво откинулся на спинку кресла.

С виду он казался уставшим, но на самом деле просто хотел уклониться от этих нескромных рук.

— Господин болен, ваш подчинённый хотел быть к господину ближе.

Губы Янь У шевельнулись; фраза прозвучала едва слышно. Из-за жара князь сегодня слышал словно сквозь вату, и не расслышал этих дерзких слов.

— ...Что?

Янь Лян слегка повернул голову, но стоящий рядом чудак не пожелал повторять. «Этот парень... кроме как вожделеть меня и прикидываться глухонемым, на что он ещё годен?»

— У тебя что, нет поручений? Почему ты выглядишь так, будто тебе нечем заняться. В свободное время поучись лучше писать, добавь себе в голову хоть немного знаний.

— Задача вашего подчинённого — оберегать князя.

Янь Лян, устав от него, нетерпеливо махнул рукой:

— Даю тебе день отдыха, иди погуляй. — «Не мельтеши у меня перед глазами, от этого голова болит ещё сильнее».

— ...Господин...

— Иди, иди.

Янь У уныло поклонился и медленно развернулся. Но тут же что-то вспомнил и оглянулся:

— Если господину что-то понадобится, позовите, ваш подчинённый будет у двери.

«Почему опять у двери? Как подумаю, что этот злоумышленник так близко, сразу не по себе».

— ...Сласти в поместье мне приелись. Сходи в город и купи чего-нибудь, — Янь Лян на ходу придумал предлог, чтобы спровадить его и хоть немного побыть в тишине.

— Из какой лавки господин желает сладостей? — От уныния Янь У не осталось и следа, в его серых глазах вспыхнул огонёк, словно он получил невероятно важное задание. — Из той, что на западе возле Бамбукового сада, с красной черепицей? Вы всё ещё желаете каштановое печенье?

«...Хм, а он неплохо знает мои вкусы».

— Не из той. Выбери лавку подальше от поместья. — Желательно такую, чтобы не возвращался часа четыре-шесть.

— Слушаюсь. — «Господин наверняка хочет чего-то новенького, отведать сластей из того места, где ещё не пробовал».

Получив приказ, Янь У не стал медлить и, сдерживая радость в душе, покинул поместье.

Наконец-то наступил покой. Янь Лян расставил шахматную доску и принялся играть сам с собой; он ставил камни без всякой системы, просто повинаясь настроению.

Раньше он держал в руках лишь мотыгу да серп, где уж ему было привыкнуть к таким изящным вещам.

Янь Лян насмешливо скривил губы. Он, этот князь, и впрямь глубоко «изучил нужды народа», пропитавшись неистребимым духом земли, а теперь, вернувшись, стал лишь посмешищем. Право слово, непонятно: князей в династии Янь полно, зачем было разыскивать именно его?

Ему вовсе не хотелось возвращаться к своим корням и признавать родство с императорской семьёй.

Длинные пальцы вертели чёрный камень, и, найдя приглянувшееся место, он опустил его на доску. В конце концов, утомившись от этой забавы, он присмотрелся, и ему показалось, что камни сложились в какой-то иероглиф.

В глазах рябило, и он смахнул камни, перемешивая их. — ...Плевать, что там было, лишь бы не «У».

К слову сказать, этот мальчишка... когда он успел проникнуться к нему такими чувствами? Всё было настолько очевидно — почему же он раньше ничего не замечал?

В его памяти Янь У был самым послушным и покладистым из всех подчиненных. Эх, и вдруг стал совсем другим.

Тем временем маленький теневой страж шёл по улицам около двух часов, прежде чем добрался до лавки. Днём не пристало носиться по крышам: напугаешь народ — князь взыщет.

Солнце уже стояло высоко, на улицах прибавилось людей, стало шумно. Лавка, в которую пришёл Янь У, славилась отменным качеством, так что длинная очередь была делом обычным.

Он собирался было встать в самый конец и смиренно ждать, но люди, заведя его чёрное одеяние и меч на поясе, в страхе расступались.

Янь У не обращал на них внимания; все его мысли были заняты тем, какие именно сласти купить своему любящему сладкое хозяину.

«Возьму каждого вида по штуке. Буду смотреть, как князь ест. А сам украдкой замечу, какое печенье он откусил больше раз, чтобы в следующий раз знать наверняка».

Раньше князю очень нравились сладости, которые он готовил сам. Даже если господин не притрагивался к обеду, он съедал всё до последней крошки. Хоть выходило и не очень, тот всё равно расхваливал вкус на все лады.

Потом князь упал в воду и долго спал. Первым делом, когда проснулся, он пожаловался на голод. Янь У сам приготовил целую тарелку печенья из красной фасоли, положил его в лаковую коробку для обеда и смотрел, как служанка несёт её в комнату князя. Но после обеда он пересчитал их: все восемь штук были на месте, ни одной не убавилось.

Он хотел было войти и спросить, но понял, что потерял на это право. Князь заболел и забыл его, а значит, и баловать больше не станет.

Прежняя нежность была смыта ледяной озерной водой без следа. Князь первым освободился от этой запретной любви, оставив его в одиночестве хранить память об их прошлом.

На самом деле он всё ещё надеялся, что, когда А-Лян окончательно поправится, он вспомнит... но что толку? Ещё до того злополучного пира на Праздник фонарей их отношения зашли в тупик.

Янь У очнулся от мыслей и сделал несколько шагов вперед, покупая сласти.

Купив всё необходимое, он отправился в обратный путь тем же путем. Потрескавшимися от холода пальцами он спрятал сверток в промасленной бумаге за пазуху, но перед этим не забыл достать припрятанный платок.

Взгляд Янь У смягчился. Он развернул платок. ... Там лежало печенье, которым господин угостил его вчера; он сохранил его в целости, оно не раскрошилось.

Квадратный кусочек с изящным узором выглядел очень аппетитно. Он не решился съесть его целиком, лишь осторожно отщипнул крошку и положил в рот.

Хорошо, что сейчас холодно, еда портится не так быстро. Он помнил, как в шестом месяце ему пожаловали кусок вяленого мяса, который всего за два дня заплесневел и протух. Когда князь узнал об этом, он велел подать целое блюдо и лично следил, чтобы страж всё съел.

И ещё наставлял, что нельзя прятать еду, это дурная привычка.

<http://bllate.org/book/22107/2316091>